

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 7–12.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 3 (84):7–12.

Научная статья
УДК 930:94(47).032
DOI 10.37724/RSU.2024.84.3.001

Историческая наука конца XVII — начала XVIII века о князе Александре Невском: А. И. Лызлов и Г. Ф. Миллер

Вадим Викторович Долгов
Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
dolgov@ya.udm.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические труды, которые положили начало новому, научному методу изучения прошлого России. На примере работ первых русских историков А. И. Лызлова и Г. Ф. Миллера показано, как с опорой на предшествующую историческую традицию происходило формирование основ современного «научного нарратива», связанного с жизнью и деятельностью одного из важнейших персонажей древнерусской книжности — князя Александра Невского. Лызлов и Миллер представляют два основных социально-культурных типа историков конца XVII — начала XVIII века. Лызлов — свободный интеллигент, чье увлечение историей было способом самовыражения и реализации личного интереса. Миллер — профессионал в узком смысле слова, занятия которого прямо обусловлены его служебными обязанностями как академического ученого. Однако при всей разнице подходов оба исследователя демонстрировали известную близость интеллектуального инструментария и в равной степени могут считаться авторами методологической базы для дальнейшего развития отечественной исторической науки.

Ключевые слова: А. И. Лызлов, Г. Ф. Миллер, Н. И. Новиков, Александр Невский, историография, историческая наука.

Для цитирования: Долгов В. В. Историческая наука конца XVII — начала XVIII века о князе Александре Невском: А. И. Лызлов и Г. Ф. Миллер // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 7–12. DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.001.

Original article

Historical science of the late 17th — early 18th century about Prince Alexander Nevsky: A. I. Lyzlov and G. F. Miller

Vadim V. Dolgov
Udmurt State University, Izhevsk, Russia
dolgov@ya.udm.ru

Abstract. The article deals with the historical works that laid the foundation for a new, scientific method of studying Russia's past. The example of the works of the first Russian historians A. I. Lyzlov and G. F. Miller shows the foundations of the modern “scholarly narrative” related to the life and activities of one of the most

important characters of Old Russian literature — Prince Alexander Nevsky — were formed on the basis of the previous historical tradition. Lyzlov and Miller represent the two main socio-cultural types of historians of the late seventeenth and early eighteenth centuries. Lyzlov was a free intellectual whose fascination with history was a way of self-expression and realization of personal interest. Miller is a professional in the narrow sense of the word, whose pursuits are explicitly conditioned by his official duties as an academic scholar. However, for all the differences in approaches, both researchers employed similar intellectual tools and can equally be considered the authors of the methodological basis for further development of Russian historical science.

Keywords: A. I. Lyzlov, G. F. Miller, N. I. Novikov, Alexander Nevsky, historiography, historical science.

For citation: Dolgov V. V. Historical science of the late 17th — early 18th century about Prince Alexander Nevsky: A. I. Lyzlov and G. F. Miller. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2024; 3 (84):7–12. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.001.

Между «историографией» и «источниками»¹ (в обычном понимании историков, изучающих русское Средневековье) нет четкой границы — ее еще нужно определить. В рамках концепции автора настоящей работы отличие научного метода от метода средневековых хронистов/летописцев будет полагаться в более активной познавательной позиции, которую ученый занимает по отношению ко «входящей» информации. Если летописец просто повторяет то, что считает достоверными сведениями, на страницах своего произведения, то ученый стремится удерживать метапозицию, указывает источники информации и сопоставляет их. Технически это почти всегда проявляется в возникновении ссылок.

Кроме того, помимо познавательных установок, существенным образом отличается и проистекающая из них познавательная программа. Если летописец хранит доставшееся от минувших эпох, то ученый взыскует неизведанное.

Если исходить из обозначенных критериев, то можно считать, что первые шаги к становлению истории как науки в России были сделаны еще в конце XVII века. Произошло это несколько раньше, чем в ходе Петровских реформ была создана Петербургская академия наук и соответствующие социальные институты. Подобное можно сказать почти о всех петровских начинаниях: все они имели корни в предшествовавшем веке. Поэтому отчет научного рассмотрения русской истории в целом и фигуры Александра Невского в частности можно начать со «Скифской истории» Андрея Ивановича Лызлова, московского дворянина, стольника и переводчика.

Лызлов был самостоятельным интеллектуалом, который работал вне каких-либо устойчивых форм социальной организации: вне своих служебных обязанностей, вне профессионального сообщества, которого в ту пору в России еще не существовало. Он писал «Скифскую историю», понимая ее как историю кочевых соседей России вообще. Лызлов ориентировался на различные источники, среди которых были и произведения античных авторов, и польские хроники, и русские летописи. При этом он снабдил свой труд аккуратными ссылками.

Сложно сказать, каким образом возникла идея такого труда. Однако совершенно очевидно, что авторская задумка была весьма оригинальна для конца XVII века. Пожалуй, даже более оригинальна, чем у его более поздних преемников (В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и пр.), работа которых оставалась все-таки ближе главному фарватеру русской летописной исторической традиции. Возможно, источником интеллектуального влияния была польская историческая литература, которую Лызлов хорошо знал. На него, несомненно, оказали влияние Александр Гваньини и Матей Стрыйковский, на которых он неоднократно ссылается. Но и этим влиянием невозможно объяснить все характеристики его замысла.

Книга долгое время существовала в рукописном виде. Первое издание было предпринято Н. И. Новиковым в 1776 году. Причем публицист отмечал, что и до издания книга была популярна и «известна всем, упражняющимся в Российской истории и любителем ея» (цит. по: [Лызлов, 1766, с. 5]) еще до ее типографской публикации. Кроме того, Новиков указал, что книга была написана в 1692 году и ее рукописный экземпляр был передан самим автором в патриаршую книгохранилищу. С этого экземпляра и было сделано первое печатное издание почти столетие спустя после завершения работы Лызлова.

¹ То есть «остатками» изучаемой эпохи в терминологии А. С. Лаппо-Данилевского (см.: [Лаппо-Данилевский, 1910, с. 74–76]).

Александр Невскому на страницах «Скифской истории» отведено немного места. Однако автор уделил достаточно внимания событиям монголо-татарского нашествия и установившегося затем ига. В изложении событий Батыева нашествия Лызлов комбинировал сведения, почерпнутые из западных хроник, с данными русских источников. Это позволило ему создать последовательное описание нашествия татаро-монголов, не ограничиваясь только русским или только европейским участками его пути. Лызлов одинаково ярко описывает и битву на реке Сити, в ходе которой пал великий князь Юрий Всеволодович, и битву при Легнице, стоившей жизни Генриху II Благочестивому. Переходя из одной национальной исторической сферы в другую, Лызлов отчасти подпадал под влияние языка и ментальности используемого источника. В описании польских событий он начинает именовать крестоносцев «крыжаками», а короля «кралем». Тогда же, когда речь заходит о Руси, язык приобретает отчетливый древнерусский «акцент». Тем не менее общая идейная организация его книги остается неизменной на всем ее протяжении.

Об Александре Невском Лызлов повествует, указывая в качестве своих источников «Степенную книгу» и Синописис Киевский. В ссылках, помимо указанных, значится еще и «Хронограф». Князь Александр появляется у историка как фигура, ставшая значимой на втором этапе развития русско-татарских отношений, уже после смерти Батыева, с воцарением Сартака: «По смерти она бича христианского, злочестивого Батыева, быть в Орде царь сын его Сатрак именем: яко свидетельствует в книге Степенной Российской и Синописис Киевский, к нему же ходил во орду великий Князь Александр Ярославич, рекомый Невский. Той злочестивый царь еще великому Князю во орде у него будущу, посла воеводу своего Неврюя со многими Татарами. Они же шедше плениша: и толико обладаша нечестивии странами Российскими» [Лызлов, 1766, с. 35–36]. Очевидно, что именно к «Степенной книге» восходит оборот Лызлова «рекомый Невский». Неврюева рать описана как произошедшая в момент пребывания Александра в Орде. Никаких указаний на причинно-следственную связь этих событий трактовка Лызлова не содержит.

Лызлов занимался историей как ученый-любитель, поскольку в его время не сложилось еще подходящих социальных институтов для реализации познавательного интереса на профессиональном уровне. Однако в ходе Петровских реформ такой институт возник. В 1724 году была основана Петербургская академия наук. Поскольку среди русских людей в тот момент подходящих интеллектуалов не нашлось, для работы в Академии были приглашены иностранные ученые, в том числе и историки. Кроме прочих, прибыл и выпускник Лейпцигского университета двадцатилетний Герхард Фридрих Миллер. Одним из первых его занятий на новом месте стало написание обзора российской истории *Sammlung Russischer Geschichte*. Таким образом, *Sammlung* стал для Миллера и первым научным трудом, и одновременно школой, поскольку работа над сборником была фактически первым опытом прикосновения к истории и языку его новой родины. Надо сказать, молодой ученый подошел к делу весьма основательно, с истинно немецкой старательностью и пунктуальностью. Сама работа написана по-немецки, что понятно: стаж пребывания Миллера в России был еще очень невелик. Можно предполагать, что по-русски тогда он говорил и писал не очень хорошо. Да и читателей у немецкого варианта на тот момент можно было ожидать большее количество. Однако русский язык был достаточно освоен для чтения русских источников. Кроме того, будучи гуманитарием с университетским образованием, Миллер понимал необходимость критики источников и компаративного анализа. Поэтому для работы он системно использовал и доступные ему иностранные источники.

Цель была поставлена амбициозная: разобраться, наконец, в запутанной российской истории и поделиться через печать знанием с «историолюбивым миром» („der Geschichte Liebenden Welt“). О ней Миллер сообщил во введении к первой части своей работы [Müller, 1734, S. 2]. Книга была выстроена в очерковой форме. Началась она с обзора имеющихся источников. В дальнейшем эта практика стала обычной и для исследователей, писавших по-русски. Этапы русской истории рассматривались с древнейших времен, но непоследовательно. Вслед за рассказом о Несторе-летописце и войнах русских с греками идет повествование о встрече первого китайского посольства в Санкт-Петербурге в 1731 году, в котором Миллер цитирует китайские иероглифические надписи. Затем следует подробное описание коронации Анны Иоанновны и т. п. Книга порой напоминает сборник журнальных статей: молодой историк писал о том, что становилось ему в какой-то момент интересно, то есть двигался не по хронологии, а вслед за своей любознательностью.

Такой подход, конечно, шел несколько вразрез с изначально заявленной целью разобраться в хитросплетениях русской истории. В плане замысла и его исполнения Лызлов был последовательнее, хотя и не являлся профессионалом. Но не нужно забывать, что Миллер был в тот момент, в сущности, молодым начинающим специалистом, хотя и занимал должность профессора. Он работал старательно и добросовестно, что уже немало.

Для нас наиболее важной частью *Sammlung Russischer Geschichte* является глава, непосредственно посвященная Александру Невскому. Учитывая общую конструкцию книги, тема Александра была выбрана неслучайно. Первые десятилетия XVIII века были отмечены повышенным вниманием к фигуре благоверного князя. Состоялось перенесение мощей, обустройство на новом месте большого монастыря, формирование новых форм церковного и государственного почитания. Нельзя было не заинтересоваться личностью канонизированного правителя.

Очерк, посвященный Александру, Миллер назвал *Leben des heiligen Alexandri Newsky*, что само по себе отсылало к житийной традиции. В сноске уже на первой странице историк указывал главные русскоязычные тексты, которые послужили для него источниками: это «Степенная книга» и какая-то анонимная летопись, в которой, по его словам, события изложены практически так же, как в «Степенной книге» [Müller, 1734, S. 281]. Так, уже с первой страницы Миллер на доступном уровне практикует сравнение источников.

В целом канву фактов и событий Миллер раскрывает вслед за «Степенной книгой», по сути — вслед за русской агиографической традицией. Он включает в текст житийное описание внешности князя как сильного и красивого воина. Вместе с тем это не буквальный перевод, а все-таки пересказ, в котором агиографическая интонация заменена на биографическую: „Alexander war unter seinen Brüdern, obmot nicht der erste an Jahren, dennoch aber an Tapferkeit, Verftande, Stärke des Leibes, und anden kriegेरischen Tugenden“ (‘Александр был среди своих братьев, не первый по годам, но тем не менее по храбрости, уму, крепости тела и другим воинским добродетелям’) [Müller, 1734, S. 282]. Исходя из приблизительной схематизации узловых точек биографии князя, Миллер относит его рождение к 1217 году (что отличается от принятой сегодня даты — 1221 год). Сообразно житийной традиции описывается детство князя, упоминается печальная судьба брата Федора, изображается свадьба (невесту Александра Миллер не называет по имени, а именует просто *Prinzeßin des Knäsen Brätfchislaw von Polozko*) и пр.

Невскую экспедицию Миллер считал результатом агрессивной политики не столько шведов, сколько немецких рыцарей. На это обратил недоумевающее внимание немецкий исследователь Ф.-Б. Шенк (см.: [Шенк, 2007, с. 152]). В общем-то в таком построении текста нет ничего удивительного, если приять во внимание, что Миллер в своих рассуждениях шел вслед за «Степенной книгой». В ней глава о Невской битве («О брани и о победе на Неве») начинается именно с рассуждений об агрессивных планах «слуг Божиих», а уже потом переходит на «кряля части Римския», национальность которого становится понятна не сразу. Высокий слог древнерусского книжника не давал возможности неопытному академическому профессору сразу перейти к сути и понять, «кто на ком стоял», кто с кем, в конце концов, воевал.

Судя по тексту примечания, Миллер, очевидно, на некоторое время пришел в недоумение, увидев упоминание «римского царя», однако потом разобрался, что слово «римский» использовано в религиозном смысле, а сами пришельцы были шведами. А раз шведами, то молодой историк, вполне логично, начал искать информацию в трудах по истории Швеции. Он использовал труд шведского историка, «отца шведской историографии» Эрика Олая (Ericus Olai) *Historia Suecorum Gothorumque* и сочинение немецкого историка Иоанна Локценция *Historiae Suecanae a primo rege Sueciae usque ad Carolum XI*, но, увы, ничего, относящегося к делу, не нашел. Он, впрочем, обнаружил упоминание о более удачных для шведов походах 1293 и 1298 годов, но они не подходили по времени. Тем не менее Миллер не стал делать из этого отсутствия никаких грандиозных выводов, не давая молчащим шведским источникам никакого преимущества перед говорящими русскими.

Усилившуюся агрессию западных стран Миллер связывал с их стремлением воспользоваться трудностями, с которыми столкнулась Русь из-за нашествия монголов. Эта идея стала впоследствии весьма популярна в отечественной историографии. Однако вряд ли источником ее был труд Миллера, который вообще довольно мало использовался и цитировался в последующие столетия. Скорее эта идея была изобретена заново.

Понятно, что в тексте Миллера можно ожидать влияние национальных чувств историка на формируемые им выводы, ведь князь Александр был прославлен в России победами над его единоплеменниками. Кроме того, противостояние с М. В. Ломоносовым по поводу зарождающейся норманнской теории создала Миллеру в отечественной исторической памяти и общественном сознании образ истого немца в русской историографии. Однако в данном случае мы ничего подобного не видим. Миллер понимал, очевидно, где работает и для кого пишет. По этой причине он иногда прямо называет немцев «врагами» („Feinde“) [Müller, 1734, S. 290].

При описании хода Ледового побоища Миллер сопоставляет данные русских летописей с текстом «Хроники» Балтазара Руссова, приводя из нее обширную цитату. Место битвы он локализовал у западного берега Чудского озера, причем «Узмень» историк, видимо, считал каким-то местом или населенным пунктом, до сих пор существовавшим на том месте, где произошла битва („Dieser Ort ist noch heutzutage in der Westlichen Küfte des Peipus-Sees befindlich“) [Müller, 1734, S. 290].

В изложении тем, связанных с монголо-татарским нашествием, Миллер проявил основательное знакомство с сочинениями западных путешественников в Орду и вообще с изданной в Европе литературой на эту тему. Он ссылается на материалы знаменитого английского географа Ричарда Хаклута (Richard Hakluyt), Самуэля Пэчаса (Samuel Purchas) и весьма популярное в то время издание французского географа Пьера Бержерона. Прочитать эти труды уже в России Миллер вряд ли мог. Очевидно, багаж знаний был запасен им во время обучения в университете. Весьма подробно Миллер разбирает историю взаимоотношений между Александром и Святым престолом. Он даже опубликовал в примечаниях письмо папы *Nobili viro, Alexandro, Duci Susdaliensi* [Müller, 1734, S. 302–303].

В целом трактовки Миллера находились вполне в русле русской средневековой традиции. Его рассказ о кончине князя соответствует житийному. Миллер цитирует слова митрополита Кирилла о закатившемся солнце России („Die Sonne von Rußland ist untergegangen“), упоминает о чуде с грамотой, свершившемся в момент погребения князя, рассказывает об обретении мощей, о пожаре 1491 года, в котором мощи погибли. Понятно, что Миллер вряд ли принимал на веру сообщения о чудесах, сопровождавших, согласно «Житию», разные моменты биографии князя и историю его мощей. Однако сам жанр очерка не предполагал слишком вездливой критики средневековых легенд. Миллер собрал имеющиеся источники и изложил ту информацию, которую нашёл.

Руководствуясь желанием сообщить читателю все, что может быть интересно, Миллер рассказал и об особом отношении к Александру и его подвигам со стороны Петра I, который основал в честь древнерусского благоверного князя монастырь. И даже об ордене, учрежденном Екатериной. Таким образом, читатель получал вполне системное представление о фигуре Александра Невского, которое, пожалуй, и сейчас неплохо бы смотрелось в виде развернутого аспирантского реферата. Учитывая, что это был первый опыт комплексного научного изложения биографии князя, результат Миллера можно признать великолепным.

Таким образом была заложена база сведений, касающихся биографии благоверного князя, в науке Нового времени. Надо сказать, работы А. И. Лызлова и Г. Ф. Миллера охватили почти полный перечень фактов и трактовок, бытующих в научном и дидактическом нарративе и по сей день, однако в силу различных причин не оказавших большого влияния на дальнейший ход изучения. Книга Лызлова была издана, когда в круг исторического чтения уже вошли фундаментальные труды корифеев исторической науки XVIII века, а работа Миллера оказалась в стороне от широкого читательского внимания, как можно предположить, потому, что сборник не отличался системностью изложения.

Список источников

1. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. — СПб. : Студ. изд. ком. при ист.-филол. фак., 1910. — Ч. 2. — 292 с.
2. Лызлов А. Скифская история. — СПб., 1766. — Ч. I. — 174 с.
3. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) / пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. — М. : Новое лит. обозрение, 2007. — 589 с.
4. Müller G. F. Sammlung russischer Geschichte. — St. Petersburg, 1734. — Bd. 1. — 554 S.

References

1. Lappo-Danilevsky A. S. *Metodologiya istorii* [Methodology of history]. St. Petersburg, Students' Publ. Committee of the Historical and Philological Faculty, 1910, pt. 2, 292 p. (In Russian).
2. Lyzlov A. *Skifskaya istoriya* [Scythian History]. St. Petersburg, 1766, pt. I, 174 p. (In Russian).
3. Schenk F. B. *Aleksandr Nevskiy v russkoy kulturnoy pamyati: svyatoy, pravitel, natsionalnyy geroy (1263–2000)* [Alexander Nevsky in Russian Cultural Memory: Saint, Ruler, National Hero (1263–2000)]. Transl. from German by E. Zemskova, M. Lavrinovich. Moscow, Novoye lit. obozrenie Publ., 2007, 589 p. (In Russian).
4. Müller G. F. *Sammlung russischer Geschichte* [Collection of Russian History]. St. Petersburg, 1734, Bd. 1, 554 S. (In German).

Информация об авторе

Долгов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Удмуртского государственного университета.

Сфера научных интересов: социальная история Древней Руси, историография, военная история Древней Руси.

Information about the author

Dolgov Vadim Viktorovich — doctor of history, professor of the Department of Russian History, Udmurt State University.

Research interests: social history of Ancient Rus, historiography, military history of Ancient Rus.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; принята к публикации 15.05.2024.

The article was submitted 29.01.2024; accepted for publication 15.05.2024.